

Андроклу понадобилось около часа, чтобы осознать, в этот день его величайшей славы, в день выхода на пенсию, его жена не пришла, чтобы поприветствовать его домой, с войны.

Совсем недавно, когда армия достигла вершины последнего холма и появилась в поле зрения, аплодисменты были такими громкими и продолжительными, что городские стены звенели, как колокол, и половина толпы потеряла голоса от криков. Он радовался так же, как и все остальные, и шёл в ногу, когда ряды начали двигаться трусой. Он приветствовал и хлопал по спине, каждого своего товарища, когда те встречались со своими семьями. Колонны солдат начали растворяться в толпе, но теперь он остался один в этой многочисленной толпе своих сограждан и недоумевал, почему Делла не пришла.

Ноги более двадцати тысяч человек растоптали полевые цветы почти в кашу. Все пришли в своих лучших нарядах: расшитые одежды, драгоценности и золото, вплетённые в волосы, золотые браслеты и кольца. Они, конечно, не скупилась на ароматические масла. Всё поле так сильно пахло прекрасными маслами и духами, что у него закружилась голова. Даже рабы приходили одетыми в лучшую одежду, чем им разрешили бы при любых других обстоятельствах; их с трудом можно было отличить от граждан. Только сами солдаты стояли грязные, оборванные и невзрачные, что придавало им определённый вид достоинства, которым не обладали другие.

Все ещё держась за быстро исчезающую надежду, что была допущена какая-то ошибка, он решил сделать ещё один круг по полю, прежде чем сдаться. Андрокл со слабой усмешкой представил, что, если бы его старый друг Афанасий был ещё жив, он бы выкрикивал самые гнусные проклятия в знак сочувствия и получил бы штраф от присяжных за нарушение общественного приличия. Или Никон, если уж на то пошло, Никон отошёл бы в сторону и заплатил группе людей, чтобы они притворились, мол они были рядом с Андроклом. Фактически, он сделал это однажды, когда Делла имела смелость появиться одна.

Но его старые друзья и все его родственники, насколько ему было известно, умерли, ему некому было оказать должную честь, кроме Деллы. В прошлом году она наняла молодых людей из доков, чтобы они поприветствовали его. В прошлом году она заставила одеться нескольких неграждан, и никто из настоящих Дикайцев этого не заметил. В этом году у неё были его пенсионные деньги, целых четыре подарка свежего серебра; он ожидал роскоши.

Но её нигде не было.

Андрокл шёл медленно и размеренно, стараясь сохранить достоинство. У него не было никакой надежды избежать внимания, он был на голову выше всех остальных. Пока он бродил, он встречал взгляды одних и тех же мужчин, они наверняка заметили его смущение. О нем шептались неделями... Могучий Андрокл, ветеран ста битв, и смотри, забыла о нем жена! Какой-нибудь драматург напишет об этом комедию, и Дикая его высмеют, он был уверен. Плащ на его плечах раскалился под полуденным солнцем, а щит тяжело висел на спине, хотя он старался этого не показывать, бесчестие разрывало ему сердце и жгло глаза.

К тому времени, когда его последний обход Поля Славы был завершён, многочисленная орда вновь обрела способность кричать приветствия. Теперь традиционные приветственные хоры начали отдаваться эхом от могучих стен Дикайи. Празднование, достаточно богатое для богов, продлится до поздней ночи и, возможно, до следующего утра, и здесь, в поле, будет спать больше дикайцев чем в городе.

Все было настолько прекрасно, насколько человек мог себе представить, но на этот раз он не мог в этом участвовать. Когда это осознание наконец укрепилось, его стыд быстро превратился

в глубокий гнев. Дикайя была его городом и это были его люди, и он сражался на их стороне большую часть своей жизни, и это был первый раз, когда он почувствовал себя здесь нежеланным.

Пристыдить его публично, чтобы выиграть спор, что она и сделала? Он мог это простить, грубость, обвинять его в отсутствии детей? Он все терпел, в основном по привычке. Но это было оскорбительно на совершенно другом уровне. Это было непростительно. Оставался только один вариант: выследить её и немедленно развестись с ней.

Его гнев горел горячо и дико, бурля и бурля в желудке. Он быстро разгорелся, и вскоре он стал сильнее, чем он мог контролировать, поскольку часть его исходила из него, несмотря на то, что он старался сдерживать его. Вырвавшийся наружу гнев распространился по толпе, как миазмы трупа, разрушая праздничную атмосферу везде, где бы он ни касался. Люди обернулись, чтобы посмотреть в его сторону, а затем быстро отвели взгляд с напряжёнными лицами. Женщины спотыкались, дети затихали или начинали плакать.

Его брови потемнели, и он повернулся, чтобы целенаправленно идти к огромным воротам. Он мог просто представить себе своего старого наставника Диокла, вздыхающего про себя с грустным выражением лица. Но Диокл был мёртв, так что ему пришлось подождать. Призраки памяти обычно были терпеливы.

Его Дикайцы так тщательно украсили ворота к празднику, что тонкая резьба по камню была совершенно скрыта гирляндами крокусов и мирта. Запах священных цветов почти проник сквозь его гнев, но когда один из стражников имел наглость встать перед ним, Андроклом, попытаться задать ему вопрос, его ярость удвоилась.

— Ты... — успел пролепетать глупый, никчёмный юноша, прежде чем Андрокл прервал его.

«Я Андрокл, сын Парамона! Я последний Агафеид! Это мой город! Мои предки положили камни на этот холм! Вы посмеете запретить мне?» он крикнул.

Молодой человек исчез под пылом ярости Андрокла, и его товарищи быстро оттащили его, прежде чем он упал в обморок. Они уступили Андроклу дорогу и робко поманили его вперёд.

Поскольку большая часть горожан находилась на Поле Чести, на улицах было гораздо тише, чем обычно. Несколько рабов и слуг пронесли мимо, неся корзины с продуктами, необходимыми в последнюю минуту для ночного пира, но больше никто не встал у него на пути. Он пошёл по дороге вверх на холм недалеко от центра города и прошёл в пределах видимости форума, собрания и храмов богов. Величественные сооружения стояли так же великолепно, как и всегда, а яркие цвета расписного мрамора сияли, как драгоценности в диадеме, под полуденным солнцем. Он прошёл мимо дома, в котором родился, который потерял его отец и где были похоронены все его предки, но не успел там остановиться, пока нет.

Дорога повела его вниз по другой стороне холма, мимо лучших домов, в суровую местность возле пристани, где беднейшие граждане жили бок о бок с иностранцами и негражданами, в маленьких домиках построенных прислонёнными друг к другу, в хаотичной путанице. Позор падения его семьи никогда не ускользал от него, даже спустя двадцать пять лет, и сегодня он уязвил его ещё сильнее, ещё больше разжигая его гнев.

Когда он наконец добрался до дома, который снял у милостивого благотворителя, который должен был быть пэром, он увидел, что в окне нет ни света, ни дыма над очагом. Единственный из всех домов на всей улице, он выглядел пустынным. Он сделал паузу, слегка растерянный.

Он пришёл сюда не для того, чтобы отвлекаться на тайны. Он вонзил наконечник копья в каменный тротуар и крикнул закрытой двери: «Делла, ты зашла слишком далеко! Выходи сюда!» Он был рад, что его голос все ещё звучал достаточно разгневанным, чтобы она поняла эту идею.

Ответа не было. Он молча ждал какое-то время, которое длилось неприятно долго. Достаточно долго, чтобы он начал сомневаться в себе. Неужели он как-то пропустил её на Поле Чести? Нет, это было невозможно. Если бы кто-нибудь искал его, они бы его нашли; он выделялся в толпе, как дерево.

Он подумывал выбить дверь, но передумал. В конце концов, это была не его дверь. Затем ему пришло в голову, что с ней что-то могло случиться, и в одно мгновение его гнев совершенно исчез, сменившись беспокойством. Ему это даже не пришло в голову; каждый хулиган и соблазнитель в Дикеи знал, чья она жена, и у знати не было бы повода её замечать. Но теперь, когда он об этом подумал, это казалось очевидным.

Он спокойно открыл дверь, надеясь не обнаружить там труп-другой. Однако вместо гнилого тела Андрокл с ужасом увидел, что дом опустел или почти опустел. Деревянная мебель стояла там, где он её оставил: диван с откидной спинкой, стол, парты. Вся мебель, которую домовладелец включил в арендную плату за дом. Все остальное, все, что принадлежало Андроклу, исчезло. Горшок, который был приданым его прабабушки, больше не стоял на коротком столбе в задней части гостиной. Все гобелены были сняты вместе с золотыми повязками его отца, висевшими над алтарём в очаге. Он обнаружил, что зияет в ужасе, каждый горшок, вся еда, все лампы, вся одежда, его жена и её раб. Даже огонь в очаге, который никогда не должен был погаснуть, погас. Дом настолько пустовал, что он даже не чувствовал запаха дыма.

В таком маленьком доме ему не потребовалось много времени, чтобы заглянуть в каждую комнату и увидеть, что все они пусты. Даже те немногие бесполезные сувениры, которые он хранил от своих мёртвых друзей, исчезли – это было больно. В комнате жены он нашёл единственное, что осталось — дешёвый пергаментный свиток, перевязанный верёвкой. Оно лежало на теперь уже пустом каркасе кровати, в нем не было даже матраса, который он купил ей на изрядную часть её приданого. Он оглядел комнату, пытаясь вспомнить, как все было, когда он ушёл.

Тогда его осенило, что он всегда пытался держаться за прошлое, надеясь, что что-то из того, чем была его семья в дни её славы, не потеряется, а будет жить в нем. Теперь, оглядывая этот пустой, затемнённый дом, он обнаружил, что чувствует, что даже то небольшое, за что он цеплялся, покинуло его, оставив его обездоленным и совершенно не пришвартованным. Эта мысль привела к другой: теперь он беден. Он больше не был гражданином. Если он не сможет выяснить, куда ушли его деньги, он теперь будет просто резидентом. Он не мог показать, что у него есть средства, достойные человека с правом голоса.

Он сжимал свиток и пытался проглотить страх, проникающий в каждую мысль. Он повернулся и ошеломленно вышел на улицу, где было достаточно светло, чтобы читать. Ему пришлось на мгновение прищуриться, пока его глаза привыкли к тёплому полуденному солнцу, но вскоре он развязал свиток, развернул его и прочитал:

«Андроклу», написанная Деллой. Я возвращаюсь в землю своих отцов. Пятнадцать лет я лежала под тобой, когда ты вернулся с войны, но ты не дал мне ни сыновей, ни даже дочерей. Я бесплодна и одинока. Я слушала, как ты говорил о своих умерших отцах и своей клятве. Я слышала твои обещания богатства и удачи. Я встретила многих лаофийцев здесь, на землях,

которые ваш народ высокомерно называет Славой, и они хорошо обращались со мной. Но у меня здесь нет ни людей, ни детей, и я не люблю тебя. Я заберу твое серебро с собой. Я продала жалкие вещи, которые составляли твое богатство. Я считаю это ценой лжи, которую ты мне сказал, и ценой пятнадцати лет одинокого брака. Не ходи за мной. Ты никогда не найдёшь моих людей, а если найдёшь, я прикажу им убить тебя. Никто об этом не знает, а я освободила Хетанию и отослала её. Я ей ничего не сказала.

Андрокл прочитал письмо ещё дважды, прежде чем оно действительно дошло до сознания. Она действительно исчезла, никакой ошибки не было, всё исчезло. Он почувствовал головокружение и тошноту, и вскоре у него возникла потребность в рвоте, что он и сделал, прислонившись одной рукой к внешней стене. В нем было немного, но как только его желудок опустел, он обнаружил, что его сменило отчаяние, которое охватило его едва ли не сильнее, чем он мог вынести.

Он рефлекторно попытался проанализировать чувство отчаяния в своём уме, как-то измерить его, чтобы оно не имело над ним такой большой власти. В конце концов, он был не новичком в этом. Он почувствовал это, когда умер его отец, и несколько лет спустя, когда умер его наставник Диокл, снова, когда умер Евфимий, и когда умер Арколей, и Никон, и Таис. В этот момент отчаяние казалось вечным гостем..

Он попытался глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться, но не смог подавить жалкую черноту, собиравшуюся в его животе. Двадцать пять лет он мечтал об этом дне. Больше никогда; с тех пор, как умер его отец, он мечтал о дне искупления, когда дом Агапатеидов снова будет почитаем и уважаем. День, когда закончились десятилетия страданий и мук, когда его тоска стала радостью. Это должно было быть сегодня.

Понимая, что вот-вот потеряет своё достоинство, он снова вошёл в дом и закрыл дверь. Вдали от взглядов прохожих он упал на колени перед холодным очагом и заплакал. Страсть этого удивляла его, и он ничего не мог поделать, чтобы сопротивляться ей. Предательство было слишком глубоким, чтобы он мог отстраниться, его потеря слишком велика..

Через некоторое время это прошло, оставив его пустым и одиноким, ни с чем, кроме жалких мыслей. Теперь он никогда не смог бы выкупить своих отцов, не без своих денег. Их могилы никогда больше не будут принадлежать семье. И он никогда не сможет передать свою родословную. Великий род Агапетейдов, покровителем которого был не кто иной, как сам почитаемый Агапетос, погибнет вместе с Андроклом. Жениться снова было уже поздно. Как он мог позволить себе ещё одну жену при полном отсутствии денег? Его отцы будут забыты, их тени суждено вечно скитаться по земле, потерянным и холодным. Теперь он умрёт, и никто не будет его почитать, и его постигнет та же участь..

Андрокл знал, что он никогда не был слишком набожным, но он всегда уважал богов и приносил жертвы. В ответ они только казались равнодушными и отстранёнными. Однако теперь он понял, что они ненавидели его, и он возненавидел их в ответ. Должно быть, они проклинали его род. Слишком мало сыновей, недостаточно сельскохозяйственных угодий, и каждое поколение меньше предыдущего. До него единственный сын Парамона.

И по правде говоря, у него не было никакой возможности оказать им честь и вернуть их благосклонность. У него не было очага для собственных обрядов, и он больше не был гражданином, а это означало, что праздники и жертвоприношения к нему не относились. Так почему же он должен заботиться о них? Он встал и вышел наружу, плюя на землю перед дверью в знак религиозного неповиновения. Никто этого не видел.

Затем он повернулся и посмотрел на холм, на город, который помогли построить его отцы, который больше не принадлежал ему..

Он наблюдал солнечный свет на фоне могучих храмов и сооружений, которым завидовал весь мир. Андрокл отдал столько крови, что можно было бы наполнить десять человек за этот город и его жителей. И это был город, который действительно стоит защищать, древний и величественный. Воспоминание о её красоте согревало его сердце на бесчисленных долгих и утомительных дорогах, как и у любого другого человека. Простой взгляд на это был бальзамом для беспокойного духа..

Через некоторое время, когда его разум немного расслабился и он смог думать, он решил, что сдался слишком рано. Кем же он был, если не жителем своего города, сыном своего клана? Для него больше ничего не было. Большую часть своей жизни он прожил на поле боя и всегда возвращался домой. Возможно, у него просто был последний бой, отличный от остальных..

Он пошёл обратно на холм, не совсем понимая, куда идёт, пока не оказался перед пустым двором дома своих предков. Он пошёл по знакомой тропе с северной стороны, прошёл через небольшой сад, который содержали новые жители, и остановился перед старым мавзолеем и могилами своих отцов. Новый владелец по закону был обязан позволить Андроклу прийти сюда, но сам никогда не делал никаких подношений. И действительно, его отцы уже несколько месяцев не приносили никаких приношений, а в чашах для приношений не осталось даже монет, которые он оставил им прошлой весной. Но, по крайней мере, территория была чистой. Новый владелец очистил территорию от опавших листьев и мусора..

Безупречные, яркие мраморные плиты стояли там, где стояли веками, некоторые рядами, другие лежали на земле, а на них стояли скульптуры или металлические сосуды. Все аккуратно и аккуратно. Он похлопал по своей одежде в поисках чего-нибудь, что можно было бы оставить в качестве подношения, затем взял остатки своего походного пайка и положил их на алтарь в центре кладбища. Затем он сел на пятки, глядя на алтарь и размышляя, что ему сказать. Интересно, как много могли видеть его отцы? Знали ли они, что им грозит опасность быть потерянными навсегда? Если так, то они наверняка ему помогут. И не то чтобы у них оставалось много вариантов — он был последним представителем рода, и копны седины на его висках и бороде нельзя было игнорировать. В сорок лет он пережил половину мужчин своего рода..

Тёплый луч солнечного света коснулся его спины и начал нагревать его длинную косу настолько, что он вспотел. День был жарче, чем должен был быть, солнце ярче, хотя до сих пор он этого не замечал. Боги, и в частности бог неба Туэллос, благословляли возвращение домой, переусердствовав, словно назло ему. Его борода напоминала шарф, закрывающий верхнюю часть груди. Он не слышал никаких других звуков, кроме слабых отголосков празднования, доносившихся из долины внизу, пока размышлял, что ему сказать своим отцам..

Когда он наконец заговорил, он не произнёс обычных молитв. Он чувствовал себя недостойным обращаться к ним таким образом. Вместо этого он сказал: «Сыны Агапитоса, отцы мои, об этом не нужно молиться, поэтому это будет не очень поэтично. Извините, но тут ничего не поделаешь. Жена украла мои пенсионные деньги, целых три таланта, а ещё один я копил все эти годы». Он на мгновение остановился, чтобы осознать это. Это была огромная сумма денег. Больше, чем он мог полностью оценить. Если бы его отцы слушали, они бы ужаснулись.

Андрокл продолжил: «Этого было достаточно, чтобы выкупить наш дом и земли и восстановить наш клан, что я и собирался с этим сделать. Но теперь оно потеряно. Делла

украли все и сбежала на родину. Она оставила эту записку.”

Он взял свиток и на всякий случай положил его на алтарь. «Я всегда уважал тебя, даже когда не мог себе этого позволить и вынужден был голодать. Итак, либо вы поможете мне вернуть мои деньги, либо это все для нас. Для всего клана. Все кончено. Дай мне мудрость и силу, которые мне понадобятся. Пожалуйста. Пожалуйста.”

Он почти не сказал «пожалуйста», но они знали бы, что он не из тех, кто просит и обращает внимание. На самом деле, произнеся вслух слово «пожалуйста», он почти почувствовал, как будто его рот искажил незнакомую форму. Они увидят, насколько он серьёзен. В заключение он сказал: «Я вернусь с нашими деньгами. Клянусь Аркосу Клятве, каждому из вас и Агапету. Ты наблюдал за мной все эти годы в армии. Приз, за который я боролся, украден, но я верну его. Так что не останавливайся ещё.”

Поскольку он не мог придумать, что ещё сказать, он прекратил говорить. В наступившей тишине он ожидал какого-то ответа, какого-то знака того, что духи его отцов слышали его молитву к ним. Но в нем не было прилива силы, и не звучали ни тарелки, ни трубы. Нет, единственное, что произошло, это то, что он понял, что говорит серьёзно. Он обнаружил, что то, что было отчаянием в его сердце, превратилось в решимость. Он преследовал Деллу.

Он глубоко вдохнул и выпрямил позу, откинув плечи назад и оглядевшись. За стенами, окружавшими дом, он мог видеть Город, огромный, многолюдный и красивый. Острый, добытый камень, окрашенный во все цвета. Сады, рынки, магазины и спортзалы. Всё для того, чтобы цивилизованный человек поразился. А за городскими стенами — богатые и холмистые сельскохозяйственные угодья, которые были жизнью Дикайи и многих других городов; в другой стороне океан, сверкавший в солнечных лучах, красивый и коварный.

Андрокл на мгновение наслаждался этим видом, пытаясь успокоить те части себя, которые все ещё были напуганы, которые все ещё считали, что он отдалился от своего города. Ему не потребовалось много времени, чтобы убедить себя в том, что он знал всю свою жизнь: что город Дикая принадлежит ему, а он — её..

Он повернулся, чтобы уйти, но потом вспомнил о записке, и почему-то оставить её там его беспокоило, хотя он с ней и закончил. В конце концов, этот вопрос никогда не будет рассмотрен присяжными, и никто не будет заботиться о доказательствах. Он потянулся, чтобы взять с алтаря записку Деллы, и когда он это сделал, мучительное чувство чего-то не хватало, поэтому он развернул её, чтобы прочитать ещё раз..

Делла, насколько ему было известно, так и не научилась писать. К тому же она была посредственной ткачихой и прядильщицей, и он предположил, что она, вероятно, просто плохо владела руками. Он внимательно рассматривал буквы, пытаясь решить, могла ли неопытная рука новоиспечённой женщины сделать их.

Но буквы были слишком квадратными, слишком идеальной формы. Даже он не мог так точно нарисовать буквы, а отец научил его писать ещё в детстве, ещё до того, как большинство горожан начали своё образование. Она никак не могла это написать.

Это означало, что в этом были замешаны и другие. Эта мысль ударила его, как лошадиное копыто, и мучительное чувство упущения какой-то детали тут же покинуло его. Он посмотрел на алтарь, задаваясь вопросом, действительно ли его отцы предупредили его. В осеннем песнопении Жреца-Архонта была строчка: «Мёртвые говорят тише, чем тишина», но он никогда раньше об этом не думал. Он глубоко поклонился в сторону алтаря, затем быстро

оглядел кладбище, чтобы увидеть, видит ли он очертания каких-либо теней. Он не мог.

Он покинул кладбище и пошёл в гору к центру Дикеи. На Рынке он посетил каждого писца, которого смог найти, спрашивая, узнал ли кто-нибудь почерк. Большинство из них были рабами, у которых не было причин присутствовать на возвращении домой; они скучали в своих ларьках, лениво болтая друг с другом. Но никто из них не узнал надписи, хотя каждый из них вежливо рассказал ему о других, которые он мог бы задать. Андрокл проверил почти тридцать разных писцов, прежде чем исчерпал их всех, по крайней мере, публичных..

Он не обращался к домашним писцам знати, но под качающимся кошельком бога неба Туэллоса он никак не мог этого сделать. их. Спросить, написал ли их писец, означало бы спросить, были ли они в этом замешаны, причём без гражданства или каких-либо денег, что могло бы оказаться фатальным..

Его возможности, казалось, были исчерпаны, он продал свой кожаный ремень и застёжку и завязал юбку короткой верёвкой. Затем он купил кувшин заранее приготовленного вина и сел на скамейку на краю рынка, чтобы подумать. Предположим, благородный дом на самом деле был после него? В конце концов, это были большие деньги. Четырёх талантов было достаточно, чтобы пробудить жадность даже у самых богатых представителей аристократии. Или что, если кто-то затаил на Агапатеидов какую-то давнюю обиду и захотел помешать ему? У него не было бы возможности узнать, что произошло, если бы он каким-то образом не вычислил, куда делись деньги. И простое обнаружение этого не будет концом проблемы: ему придётся убедить присяжных наказать их и восстановить его собственность, а затем выдерживать гнев своих врагов достаточно долго, чтобы утвердиться. Ни одна из этих вещей не будет лёгкой.

Вокруг было так мало людей, что широкая плоская брусчатка рынка казалась неприятно голой; сквозь проходившую здесь толпу редко можно было увидеть даже землю. Однако палатки и навесы висели так же красочно, как всегда, безвольно вися под безветренным солнцем. А городским рабам не составило труда расчистить мусор, отчего вокруг пахло сильнее обычного. Что, если бы Делла сознательно подошла и предала его? Она могла бы разделить деньги с какой-нибудь семьёй в городе и получить эскорт..

Андрокл сделал большой глоток и уставился в котёл, раздумывая. Он наблюдал, как повозки с товарами катились вверх по холму на рынок, привозя припасы для рабов, которые будут отправлены, как только у празднующих закончится все, что было под рукой..

Мимо прошёл патруль Небесных Тандеров в ярких доспехах, украшенных по этому случаю, и позади них в воздухе развевались хвосты. Они отдалённо напоминали Андроклу кошек, хотя и обижались, если кто-нибудь это говорил. Зверолюди с востока служили нейтральными блюстителями закона Дикайи, и на протяжении нескольких поколений им удавалось не ввязываться в политику. Они были довольны тем, что брали свои деньги, жили хорошо, и даже самые благородные из дикайских граждан старались оставаться на их стороне..

Такие умные люди наверняка слышали бы слухи, поэтому Андрокл встал и крикнул им вслед: «Стража! Добрые мастера, идите сюда, я хочу вас кое о чем спросить..”

Четверо зверолюдей развернулись и подошли обратно, чтобы встать перед ним, с луками на плечах и одной рукой на колчане на бедре. Их поза, которая давала понять, что любого, кто им не угоден, всадят пятнадцать стрел, прежде чем он успеет моргнуть. Андрокл подозревал, что они практиковали язык тела и позы, когда никто не смотрел..

Один с темно-рыжеватым мехом, кисточками на ушах и суровым лицом сказал: «Ах, Андрокл, большой человек из Дикайи. Что вам нужно?»

Андрокл моргнул, немного удивившись, что его знают по имени, поскольку почти полгода его не было в городе. «Я хотел спросить после слухов. Слышали ли вы о том, чтобы кто-нибудь в последнее время заработал много денег?»

Один с седыми волосами и мехом ответил: «Расследование — дело суда. Мы не ищем таких вещей самостоятельно. Со всем уважением, господин, не отвлекайте нас, если только не хотите поделиться своим вином. Ты знаешь лучше.» Затем он кивнул своим товарищам, его человеческое лицо под гладкой кошачьей шерстью приняло суровое, но пустое выражение. Они повернулись, чтобы уйти, и Андрокл позволил им уйти без дальнейших комментариев. Их пренебрежение к нему грозило разжечь его гнев, и осознание того, что это не было личным, не помогло. Не в первый раз Андрокл задавался вопросом, сможет ли скайтандер сойти за лаофийца, если кто-то придержит его, подрежет ему уши и хвост и побрит..

Но сейчас было не время для битвы, тем более с вооружёнными Скайтандерами посреди рынка, под солнечным светом. Он снова сел на скамейку и допил вино, обдумывая свои следующие шаги. В конечном итоге все сводилось к одному вопросу: либо Делла уехал на север с его деньгами, как говорилось в записке, либо нет. В любом случае, если бы он смог найти её, он нашёл бы и свои деньги. Он должен был знать, действительно ли она ушла.

Единственный способ сделать это — найти всех стражников у ворот, которые обычно были сыновьями горожан и были более разговорчивыми, чем Скайтандеры, и спросить, видели ли они её. Поскольку ему уже негде было хранить горшок, он оставил его пустым на скамейке, чтобы какой-нибудь нищий мог взять и продать. Он вернулся к главным воротам, через которые ранее прошёл в таком плохом настроении. Слава богам, смена сменилась, и ему не пришлось встретиться лицом к лицу с юношей, которого он унизил..

Он вручил одному из молодых людей свиток Деллы и попросил: «Добрые мастера, взгляните на это для меня и скажите, видели ли вы что-нибудь». Затем он стоял там, пока они читали это, не зная, какую позу ему следует принять. Он хотел, чтобы они поняли, что он в тяжёлом положении, но не считали его недостойным..

Он притворился отвлечённым, в то время как они отвернулись от него и перешёптывались друг с другом. Это был хороший знак, и он старался не улыбаться по этому поводу, чтобы они не подумали, что он издевается над ними. Через мгновение они закончили свои дискуссии, и самый невысокий, особенно красивый молодой человек с зачаточной бородой, ответил: «Не уверен, чем мы можем помочь, ветеран. Но здесь Горгий говорит, что около пятнадцати дней назад кто-то в плаще и вуали покинул Город с четырьмя телохранителями Небесных Тандеров. Они несли тяжёлые рюкзаки.»

Андрокл быстро ответил: «Откуда ты знаешь, что это было пятнадцать дней назад?»

Тот, кого звали Горгий, пятнистый, но мускулистый юноша лет восемнадцати, выглядел немного смущённым и сказал: «Это было накануне дня рождения моей сестры. Мы шутили по этому поводу. Вот почему это запомнилось мне.»

«Понятно, — сказал Андрокл, задумавшись. «И почему ты не знаешь, кто был в завесе?»

«Скайтандерам мы не мешаем, хозяин, а их было четверо. Мы просто предположили, что это дело Скайтандера, и позволили им пройти», — сказал Горгиас..

“Ну тут, пожалуй, не поспоришь. Подожди, а почему ты говоришь «кто-то» в чадре, а не «какая-то женщина»? Какой мужчина будет носить вуаль?» спросил Андрокл.

Невысокий красивый ответил: «Вот в чем была шутка, хозяин. Шутка была в том, что это был жених сестры Горгия. Я до сих пор думаю, что это была женщина, но остальные считают, что она двигалась слишком прямолинейно, чтобы быть дикайской женщиной, даже низменной..”

Андрокл кивнул. Это было все подтверждение, которое ему было нужно. Это могла быть только Делла. Она всегда была слишком мужественной. Её родители были пришельцами с некоторым достатком и плохо воспитали её..

“Я понимаю. Можете ли вы рассказать мне что-нибудь о телохранителях? он спросил.

Горгий ответил: «Они не были одеты как стражники, хотя у них были мечи и луки. Мы надеялись узнать их только по гимназии, но не узнали. Они могут тренироваться где угодно. Боюсь, вот и все, хозяин. Как сказал Феклос, мы не остановили их..”

“Есть идеи, куда они могли пойти? спросил Андрокл.

“Не уверен, мастер. Скайтанд находится далеко на востоке, и им следовало выйти через другие ворота. Но отсюда они могли бы пойти на север, если бы это была твоя жена. Я слышал, что они торгуют с варварами, так что, возможно, на севере что-то есть. Кто знает?” сказал красавец.

“Что торговцы могут знать о Скайтандерах на севере, господа? Есть идеи?”

“Единственное, что мы получаем от варваров с севера, — это меха, хозяин. Мог бы найти торговца мехом и спросить у него. Но только большие меха, как у медведей и тому подобное», — сказал Горгий..

Андрокл знал это, но он хотел посмотреть, знают ли они что-то, чего не знал он. Он сказал: «Очень хорошо. Я позволю вам, мужчины, вернуться к этому. Спасибо за информацию.”

Остальная часть расследования Андрокла оказалась почти безрезультатной. Единственный торговец мехом, находящийся сейчас в Городе, лично никогда не был на севере, но он слышал, что Скайтандеры там были единственным племенем, которое торговало со всеми, кто шёл с востока на запад, включая тех, кто нанимал своих демонических наёмников. Таким образом, будучи хорошим гражданином, этот человек, конечно, никогда не имел с ними никаких дел..

Андрокл не был уверен, насколько ему можно верить, но это была единственная зацепка, которая у него была. После смерти родителей Деллы никто не имел бы ни малейшего понятия, где находится её родина, кроме неё самой и, возможно, этого племени торговцев Скайтандеров, если бы Андрокл смог их найти..

Поскольку он не хотел спать в пустом, арендованном доме, который был его домом, он попытался найти гостиницу, где его никто не знал. Его узнали, но он потратил немного денег, сочинил историю о ремонте и скрыл позор своего положения. На следующее утро он продал свой бронзовый шлем, единственную часть доспехов, которая у него действительно была, чтобы купить хлеба и инжира на дорогу. С этими припасами и большим мешком денег он вышел обратно через те же ворота, через которые вошёл в Город, повернув на север, чтобы следовать по дороге, которая в конечном итоге выведет за пределы царства Славы..

Прежде чем он миновал последний холм и Дикая исчезла из поля зрения, он остановился и некоторое время наблюдал за ним, пытаясь навсегда запечатлеть в своём сознании образ его красоты, величайшего города Славы. Момент становился все длиннее и длиннее, и, наконец, он повернулся, волоча ноги и с тяжёлым сердцем, и снова начал двигаться..

Андрокл двинулся на север в одиночестве..

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/99815/3399830>